

Дорогой читатель!

Настоящая книга представляет не публиковавшиеся прежде стихи Андрея Правды и новые сказки Веры Лавриной. Связанные творческим и супружеским союзом мы совместно руководили литературной студией Кузбасского технического университета «Лист», готовили коллективные сборники членов студии, организовывали поэтические мероприятия, спорили, ругались, мирились, огорчались, радовались. Разочаровывались и восхищались многообразным литературным процессом вокруг нас. Из этой общей работы и постоянного диалога родились желание и идея совместной книги.

Она подводит некий промежуточный итог нашей литературной деятельности, предоставляет возможность познакомиться с новыми произведениями.

Когда сборник был уже сверстан, мы узнали, что Нина и Леонид Гержидович выпустили сборник под названием «Двое». Сначала занервничали и стали искать другое название. А потом решили: пусть появится в Кузбассе традиция совместного издания книг пишущих супружеских пар. У Гержидович – «Двое». У нас – «Вдвоем». Ожидаем книгу Дмитрия и Натальи Мурзиных «Пара». И других. Начало положено.

Отзывы на книгу можете присылать по адресу:

veralavrina@yandex.ru

a_pravda@yandex.ru

БАРАНКА, БУБЛИК И КАЛАЧ

Заспорили как-то Баранка, Бублик и Калач, чья дырка лучше.

Баранка говорит:

– Моя дырка ровная, круглая, как раз по мне: ни большая, ни маленькая.

– И моя дырка по мне, – говорит Бублик, – только она больше твоей. Я большой, и дырка большая.

– А моя дырка, – хвалится Калач, – будет побольше ваших, да и видом краше. Смотрите, какая у меня дырка: не простая – резная, фигурная – недурная, узорная – не позорная.

А Каравай услышал, как Баранка, Бублик и Калач хвастаются и спорят, рассмеялся и говорит:

– Нашли чем хвалиться! Дырка – самое пустое место. Делают вас не ради дырки, а ради того, что вокруг неё.

Люди иные тоже ценят в себе самое пустое, а не то, ради чего их Бог создал.

КТО НАИБЕДНЕЙШИЙ?

Жил Панкрат, был Панкрат весел и богат. К его деньгам деньги так и сыпались, так и липли.

«Вот, – думает он, – все мне Господь дал, не обидел. Надо и мне теперь доброе дело сделать». Решил он наделить богатством самого наиболее бедного, чтобы от нищеты его избавить, на счастливый путь поставить. «Одним бедняком меньше станет, одним счастливчиком больше, да и мне в зачёт доброе дело пойдёт», – рассудил Панкрат.

Стал Панкрат думать, как найти ему самого наиболее бедного. «Если бросишь клич: приходи, наиболее бедный, дам тебе добра-богатства», – набегит голытьба, будут животы впалые нести, лохмотьями трясти. Богатства моего на всех не хватит. Найду я сам наиболее бедного, его и награжу богатством», – решил Панкрат.

Приказал он возле торной дороги вырыть яму глубокую, такую, чтобы трудно было из неё выбраться. Бросил в неё медный пятак. «Ну, – думает, – только самый что ни на есть бедный в эту яму за пятаком прыгнет». Сам спрятался неподалеку, стал ждать.

Видит: идёт мужичок, видом не беднячок, сапоги ладные, штаны изрядные. Заглянул он в яму, увидел медный пятак – забегал, заметался вокруг. Хотел и прутиком пятак достать, и петельку на него накинуть. Ничего не выходит. Прыгнул тогда он в яму, достал пятак, едва-едва выбрался. Пошел дальше довольный.

Панкрат его догоняет:

– Постой, прохожий человек! Скажи мне, зачем ты медный пятак из ямы достал? Видом ты не бедный...

– У меня характер такой, – отвечает прохожий, – я как какую копейку увижу, тут же хочу её прикарманить. А по-иному добра не накопишь, – хлопнул мужик по карману, где медный пятак лежал.

«Тю-ю-ю! Этот не бедный, – думает Панкрат, – этот жадный». Махнул с досады рукой, другой пятак в яму бросил, спрятался опять и стал ждать.

Идёт по дороге солдатик, шаг печатает. Дошёл до ямы, заглянул в неё – прыг туда! Выкарабкался с пятаком, пятачок положил на дорогу и дальше пошёл. Панкрату невдомёк, зачем он это сделал. Догнал солдатика и спрашивает:

– Скажи мне, служивый, ты зачем медный пятак из ямы достал и на дороге его оставил?

– Достал для тех, кому пятачок – деньги, – отвечает солдатик, – пусть они возьмут его. Не всякий из этой ямы вылезет, особенно больной или старый. А то нужда загонит в яму, а оттуда – никак. Будет в яме сидеть, горемычный.

«Этот не бедный, этот добрый, – понял Панкрат. – Вишь ты, какие в нашем царстве-государстве солдатика служат!»

Взял он медный пятак, снова в яму его бросил. Ждал недолго. Видит: идёт по дороге мужичонка, худая одежонка. От картуза один козырёк, от башмаков – шнурок. Подошёл к яме, увидел медный пятак, поглазел, потоптался, плюнул, махнул рукой и дальше пошёл.

Панкрат удивился стократ. Догнал он мужичонку и спрашивает:

– А ты, мил человек, почему в яму за пятачком не спустился? Хоть бы картуз себе новый справил.

– И-и-и, буду я по ямам прыгать! Я сейчас в город приду, на базарной площади сяду, кружечку свою выставлю – мне этих пятаков накидают... Пять дюжин – и на обед, и на ужин. Во как!

Покачал Панкрат головой:

– Это не бедный, а ленивый. Такому хоть воз добра дай – всё равно толку не будет. Нет, не разберёшь с этими деньгами, кого богатством наградить, – ворчит Панкрат, – богатый в яму за пятаком лезет, а бедный рукой махнёт да мимо идёт.

Решил Панкрат другое испытание устроить, чтобы самого наибеднейшего отыскать. Взял он пару башмаков старых-престарых, заплаткам на них тесно, а пальцам просторно – они в дырку высовываются. «Такие, – думает, – только наибеднейший и подберёт». Бросил он их посередине дороги, сам неподалеку спрятался.

Видит: идёт странница. Увидела она старые-престарые башмаки, подняла их и засунула себе в узел. Догнал её Панкрат и спрашивает:

– Ты, добрая странница, почему такие старые башмаки взяла?

– А посмотри, душа моя, какая вокруг красота: травка изумрудная вдоль дорожки стелется, цветы лазоревые по лугам рассыпаны, зелёные рощи кудрявятся, а башмаки эти драные нелепостью своей красоту рушат. Я их в город принесу и брошу там в мусорную яму.

Дивится Панкрат: «Это не бедная, это благолепная странница. Вон как она красоту любит!».

– Верно разумеешь, – говорит Панкрат, – дай мне эти башмаки, я их здесь зарюю в яму.

– Зарой, зарой, – согласилась странница.

Отдала странница башмаки Панкрату. Как скрылась она из виду, Панкрат опять их посередине дороги бросил, спрятался и стал ждать.

Идёт старичок, борода – стручок, сапоги на нем хромовые с железною подковою. Видит он: лежат посередине дороги старые башмаки, взял их и в мешок свой засунул.

Панкрат догоняет его и спрашивает:

– Дедушка, почему ты старые башмаки взял? На тебе вон какие сапоги дорогие.

– А что добру пропадать? – отвечает старичок, борода – стручок. – Подошва есть, я из нее сделаю домашние чеботочки для жены и дочки.

«Этот старичок, борода – стручок, не бедный, а бережливый, у него, поди, своего добра хватает», – думает Панкрат. Говорит он старичку:

– Продай мне эти башмаки за два пятака, я тоже хочу сделать чеботочки для жены и дочки.

– За три, – набивает цену старичок, борода – стручок.

– Ты, дед, не промах! – рассмеялся Панкрат. – Ладно, бери три пятака, давай мне башмаки.

Выкупил Панкрат старые башмаки, бросил их опять на дорогу, стал ждать.

Идёт нищий: голова лохматая, сума пустоватая, штаны рваные, лапти драные. «Ну, этот обязательно башмаки возьмёт», – подумал Панкрат. А нищий походя пнул башмаки драным лаптем. Улетели они с обочины в траву, он дальше пошёл.

Догоняет его Панкрат и спрашивает:

– Почему же ты не взял башмаки? Твои лапти совсем развалились, а башмаки починить можно да сколько носить ещё.

– Коли бы мне они попались, когда от моих лаптей лыка не осталось, я бы их надел и дальше пошёл.

– Ну, взял бы их собой...

– Я лишней пары обуви не ношу, что есть – всё на мне, а другого не надо.

«Это не бедный, а непутёвый али блаженный, – думает Панкрат, – богатство на дороге оставит, коли мешка при нём не будет».

Вот незадача: босоногий башмаки не берёт, обутый подбирает!

Решил Панкрат третье испытание устроить, чтоб уж наверняка наибеднейшего найти. Взял он большой каравай хлеба, высушил его так, что каравай растрескался, сверху пылью припорошил и на обочину положил.

– Кто этот каравай возьмёт, тот наибеднейший и будет, – решил Панкрат. – Господь простит меня, что я с хлебушком так поступаю. Это я для доброго дела.

Спрятался Панкрат возле обочины, стал ждать. Идёт красна девица – в яхонтовых серёжках, в сафьяновых сапожках, в косе лента алая.

Наклонилась, взяла каравай в белые ручки и понесла его. Что за диво?

Панкрат догоняет её и спрашивает:

– Ты, красна девица, почему каравай грязный подобрала?

– Да разве можно хлебушек на дороге оставлять? Это грех. Я его домой принесу, пыль обмету, чистой тряпицей оботру и отдам нищим.

«Она не бедная, а праведная», – смекнул Панкрат.

– А ты дай мне этот каравай, я так и сделаю. Не сомневайся, самому наиболее беднейшему отдам.

Отдала красна девица булку Панкратию. Как скрылась она, Панкрат снова её на дорогу выложил, стал ждать. Идёт по дороге молодец. Видит: лежит грязный, сухой каравай. Поднял он его и понёс. Панкрат догнал его и спрашивает:

– Почему ты, добрый молодец, каравай грязный, сухой поднял? Съесть хочешь?

– Я-то нет, а вот птичек небесных покормлю.

«Он, видно, не бедный, а благодетельный», – думает Панкрат.

– А ты дай мне этот каравай, я его наиболее беднейшему отдам, – просит Панкрат.

– Ну бери, мил человек, – согласился молодец.

Панкрат опять положил каравай на обочину. Идёт человек, голова – огуречик, на одежде дырка с дыркой пересвистываются, нитка с ниткой перемахиваются. Увидел он каравай, обрадовался, подхватил его и дальше весело зашагал. Догоняет его Панкрат и спрашивает:

– Зачем ты сухой и грязный каравай взял?

– Да я пыль обмету, каравай оботру, водичкой размочу и съем.

– Так, значит, ты бедный!? – обрадовался наконец-то Панкрат.

– Какой я бедный, я – богач! С этим караваем три дня сыт буду.

Задумался Панкрат.

Вот я и не знаю, оделил он этого человечка богатством или нет.

МУРАВЕЙ ПАНТЕЛЕЙ

В одном муравейнике жил муравей по имени Пантелей. Муравьёв в муравейнике было видимо-невидимо. Каждый свою работу знал: кто стебельки носил, кто пуховые постельки стелил, кто пропитание добывал, кто малых деток, муравьишек, охранял.

А муравей Пантелей былинки и сухие травинки носил, чтоб муравейник строить. Утром он просыпался, земляничной росинкой умывался. На завтрак уж был готов червячок морёный или комар сушёный. Поел – и на работу.

Вот и думает муравей Пантелей: «Что же это я так всю жизнь и буду туда-сюда сновать, былинки да травинки собирать? Никакого интереса в этом нет. Брошу всё, пойду лучшей доли искать. А муравьишки-братишки пусть остаются». Так и сделал. Ушел муравей Пантелей в город, забрался в дом, в буфете устроился. А в буфете – красота! Ни жары, ни дождя, ни ветра нет:

тепло, темно и сытно. Припасы не переводятся. Здесь и семечки калёные, и колбасы копчёные, и головы сахарные, и варенья ягодные. Ешь не хочу!
Муравей Пантелей рад-радёшенек:

– Мои-то теперь туда-сюда снуют, тяжести несут, никогда у них работа не переводится. А у меня здесь и еда, и воля, что хочу, то и делаю, а лучше и вовсе ничего не делать. А зачем? Всё у меня есть, по блюдам да баночкам разложено, в крынки, горшки положено.

Вот живёт муравей Пантелей в сытости и довольстве. Настала зима. А Пантелею невдомёк: в доме тепло и в буфете не холодно.

Только вот случилось так, что уехали куда-то хозяева, дом пустой остался. Печь не топится. В доме холодно стало. Начал муравей Пантелей замерзать.

– Что это, – думает он, – никто обо мне, муравье, не заботится? Так я и вовсе замёрзнуть могу.

А холод в доме уж ледяной стоит.

– Нет, – думает муравей, – надо в муравейник возвращаться, в нём всегда теплое местечко найти можно.

Сунулся он за порог – а там белым-бело, снег повсюду лежит. Пантелей снега никогда не видывал. Ну, рассказывали старики муравьи, что, когда они спят в муравейнике, весь мир вокруг белым становится. Только Пантелей этому не верил. А оказалось правдой.

Потрогал муравей лапкой снег, а он холодный-прехолодный. Как по нему бежать? Вернулся в буфет, да там и замёрз.

Оно, конечно, жалко муравьишку. Думал: где полегче да послаще, там и счастье обрящет. Да вот беда, пропал навсегда. От служенья отказался – с белым светом распрощался.

МЕЛЬНИЦА И ВЕТЕР

Жила-была старая Мельница. На пригорке она стояла, крыльями махала, молола пшеницу от зари до зарницы.

Хоть не скоро, да заметила Мельница вот что: как она замашет крыльями – ветер тут же появляется, вокруг неё дует, завивается.

«Наверное, – думает Мельница, – власть я над ветрами имею, и крыльям моим они повинуются. А ну-ка, проверю, так ли это, понаблюдаю, пригляжусь».

Стала Мельница наблюдать да примечать. Все сходится: только крылья её задвигаются – ветер тут как тут.

– Так и есть, – решила мельница, – я – владычица ветров. Взмахну крыльями – ветры ко мне летят.

Загордилась Мельница, заважничала.

– Эй, Ветер, знаешь ли, кто твоя повелительница?

– Уж не ты ли? – прошумел Ветер.

– Я! – гордо ответила Мельница. – Как только замашу крыльями, вы, ветры, ко мне прилетаете.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Ветер. – Это я кручу твои крылья. Без меня ты и двинуть ими не сможешь.

– Быть того не может, шалабер нелепый! – крикнула Мельница. – Сколько себя помню, ветры мне подчинялись, по взмаху крыльев ко мне слетались.

– Ах так! Ну покрути своими крыльями без меня! – взвился Ветер и улетел прочь. Больше он возле Мельницы не появлялся.

Стояла с тех пор Мельница недвижно год за годом, крылья у нее не крутились, мука не мололась. Хозяева забросили мельницу, она и развалилась.

Иной человек, как эта глупая мельница, думает, что он всему повелитель, судеб вершитель, и не замечает над собой воли Создателя.

ХВАСТЛИВАЯ КУРОЧКА

На зелёной горе, на широком дворе жила-была Курочка-несушка, большая хвастушка. Перышки у нее белые, глаза – бусинки блестящие, на лапках – сапожки настоящие.

Вот снесла она яйцо и побежала во двор хвастать, ходит по двору и громко квохчет:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Снесла я в курятнике яйцо,
На соломку положила,
Щепочками прикрыла.
Яйцо мое такое:
Белое да большое.

Услышала Кошка, меховая одёжка, как Курочка хвастает, пробралась в курятник, нашла яйцо и съела его.

Приходит Курочка в курятник – а яйца нет. Побежала она к Петушку и жалуется:

– Украли мое яйцо!

А Петушок, хвост пёстрый, клюв острый, ей и говорит:

– А зачем хвасталась? В следующий раз снесёшься – молчи, про яйцо ничего не говори.

Вот опять снесла Курочка яйцо, белое да гладкое, большое да сладкое, всем несушкам на зависть. Вышла во двор, гордость её распирает, хочется ей похвастаться. Крепилась-крепились, да не выдержала. «Я, – думает, – похвастаюсь, а про яйцо не скажу». Вышла она на середину двора и громко закудахтала:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Что-то я снесла,
На сеновал унесла,
В уголок положила,

Стебельками прикрыла.

«Вот я какая умница, – радуется Курочка, – и похвасталась, и про яйцо не сказала».

Услышала Кошка, меховая одёжка, как Курочка хвасталась, пробралась на сеновал, нашла там яйцо и съела его. Приходит несушка-хвастушка на сеновал, ищет свое яйцо – нет его. Побежала она к Петушку и жалуется, что яйцо украли.

– Ты хвасталась, что яйцо снесла?– спрашивает Петушок, хвост пёстрый, клюв острый.

– Нет, про яйцо я и словом не обмолвилась.

– А что ты там кудахтала?

– А вот что:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!

Что-то я снесла,

На сеновал унесла,

В уголок положила,

Стебельками прикрыла.

– Ах ты, глупая несушка-хвастушка! – расхохотился Петушок, хвост пёстрый, клюв острый, – Тут и дураку всё ясно! Что куры могут нести, кроме яиц?– Клынул он Курочку: – Вот тебе наука! И вовсе не говори, что ты несёшься.

Прошло время. Снесла Курочка третье яйцо, белое да гладкое, большое да сладкое, всем несушкам на зависть. Уж как она по двору ходила, как гордилась, а сама все крепилась, про яйцо не хвастала. А самой так хочется про него рассказать, себя, несушку, показать. «Дай, – думает, – скажу я будто и не про яйцо, будто и не я снесла».

Вышла она на середину двора и закудахтала:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!

Кто-то что-то снёс,

Куда-то унёс

А кто – не скажу,

Куда унёс – не покажу.

Ходит Курочка довольная, что наказ Петушка не нарушала, а всё ж таки и похвасталась немножко.

Догадалась Кошка, меховая одёжка, что опять снесла Курочка яйцо. «Как бы, – думает, – узнать, где оно лежит?». Побежала его искать. В курятнике нет, на сеновале нет. Подходит Кошка к Курочке и говорит:

– Да ты, наверное, снесла яичко величиной со спичку, вот и не хочешь его показывать.

– Квох-ко-ко, квох-ко-ко! – раскудахталась Курочка. – Я снесла яйцо белое да гладкое, большое да сладкое, мое яйцо величиной как от ворот кольцо.

– А я не верю, ты и не показываешь его, потому что оно маленькое, – подзадоривает Кошка, меховая одёжка, несушку-хвастушку.

– Иди сама посмотри! – не выдержала Курочка. – Положила я яйцо под деревянное крыльцо.

Вот и догадайтесь, нашла потом несушка-хвастушка свое яйцо под крыльцом или нет.